

## О Б Щ Е С Т В О И Р Е Ф О Р М Ы

А.М. ЛИБМАН

**Оптимальная зависимость  
от предшествующего развития**

Проблема зависимости от предшествующего развития (*path dependence*) относится к наиболее обсуждаемым в контексте экономических реформ развивающихся стран и стран с переходной экономикой<sup>1</sup>. Немаловажную роль данный фактор, насколько можно судить, сыграл и в эволюции российских экономики и общества. Суть данной зависимости, говоря упрощенно, заключается в том, что текущее состояние институциональной системы зависит от ее развития в предшествующие периоды. Это ограничивает свободу произвольного выбора, импорта или дизайна институтов и может привести к стабилизации неэффективных институциональных систем, или "институциональной ловушке" [Полтерович, 1999; 2004; Polterovich, 2008; Do, 2004].

Теория зависимости от предшествующего развития предполагает, что в эволюции общества чередуются "точки бифуркации" (критические узлы, *critical junction*), когда возникает возможность выбора качественно новых институтов, порой определяющего случайными обстоятельствами, и более или менее длительные периоды институциональной стабильности, когда "прошлое определяет настоящее" [Латов, 2005]. Соответственно, чем чаще возникают точки бифуркации, тем ниже зависимость от предшествующего развития в эволюции данного общества или института. В предельном случае возможность для выбора институтов существует постоянно (тогда зависимость от предшествующего развития полностью отсутствует) или возникает крайне редко (тогда зависимость от предшествующего развития значительна, и велика вероятность стабилизации неэффективных институтов).

Я намерен показать, что ситуация полного отсутствия зависимости от предшествующего развития, несмотря на постоянную возможность выбора институтов, так же не является наиболее благоприятной для экономического развития, как и полное отсутствие выбора. Можно говорить о своеобразной *оптимальной зависимости от предшествующего развития*, даже в случае, если она означает временное господство неэффективных институтов. Подчеркну, что в центре моего внимания находятся именно институты,

---

<sup>1</sup> Об интересе российского научного сообщества к этой проблеме свидетельствует, в частности, тот факт, что в последнем номере альманаха "Истоки" ей был посвящен целый раздел, где опубликованы и классические западные работы, положившие начало данному направлению исследований, и работы отечественных ученых – Р. Капелюшников, Р. Нурева и Ю. Латова [Истоки, 2006].

а не, скажем, технологии, также подверженные зависимости от предшествующего развития. Меня интересуют ситуации, когда зависимость от предшествующего развития порождает стабильные неэффективные институты; в случае стабильных эффективных институтов аргументы в пользу "оптимальной зависимости от предшествующего развития" самоочевидны.

В принципе корректнее было бы дифференцировать институциональные изменения с точки зрения двух измерений: их *процесса* (постепенные или революционные) и *результата* (сохраняющие или разрывающие преемственность) [Streek, Thielen, 2005]. Теория зависимости от предшествующего развития акцентирует внимание на изменениях либо революционных, разрывающих преемственность, либо постепенных, сохраняющих ее. Случайный характер выбора предполагает также существование революционных изменений, в конечном счете ведущих к возвращению старого порядка (в виде последовательности *различных неэффективных* институтов). Однако вполне может быть, что постепенные изменения, "накапливаясь", ведут к появлению нового качества. Яркий пример – ситуация "мирного перехода" от авторитарного правления к демократии за счет "конституционного обмена", реализовавшаяся во многих европейских странах на основе взаимодействия короля и парламента и предполагавшая существование ограничений на институциональные инновации на каждом этапе [Congleton, 2007]. Я не рассматриваю подробно эту четвертую форму изменений; замечу лишь, что именно она во многом близка обсуждаемой здесь концепции "оптимальной зависимости от предшествующего развития". В центре моего внимания находится, однако, не столько ограничение свободы выбора институтов, в каждый момент большее, чем в классических точках бифуркации, но меньшее, чем при "сильной" зависимости от предшествующего развития, сколько оптимальное число точек бифуркации (то есть моментов, где институты могут измениться – в том числе и весьма значительно).

### **Сильная зависимость от предшествующего развития: неэффективные институты**

Проблема господства неэффективных институтов в условиях зависимости от предшествующего развития хорошо изучена в литературе. В принципе, стабилизация института может быть связана с шестью факторами. Из них пять свойственны как формальным, так и неформальным институтам. Во-первых, классическим объяснением существования стабилизации служит существование эффектов возрастающей отдачи [David, 2000; Pierson, 2000]. Иначе говоря, чем больше круг лиц, следующих норме, тем выше выгоды для каждого из них. В этой ситуации господство неэффективного института связано попросту с тем, что ему следует слишком большое число игроков. Во-вторых, институт может "порождать" сеть связанных с ним норм и правил, делающих "отклонение" от существующего образца более сложным. В-третьих, использование нормы связано с затратами на обучение, которые могут оказаться чрезмерными для того, чтобы перейти к более эффективному институту; то есть институт становится более привлекательным не только с ростом использования его другими игроками, но и с ростом использования его самим же игроком. В-четвертых, институты могут влиять на структуру поведения, которая в конечном счете определяет культуру, влияющую на последующий выбор институтов [Bednar, Page, 2006]. Наконец, в-пятых, функционирование института может изменить параметры экономики таким образом, что выбор данной нормы станет более вероятным в следующем периоде (это явление получило название *self-reinforcement*).

При анализе формальных институтов возникает и дополнительный фактор, способствующий институциональной стабильности. Изменение любого формального института требует согласия большого числа игроков. В политологии существуют два подхода к анализу данной проблемы. Первый из них концентрирует внимание на *вето-игроках* или *воротах вето* (*veto player*, *veto gate*), то есть субъектах политического процесса, способных "заблокировать" принятие решений [Tsebelis, 2002; Fukuyama, 2006]. Второй подход подчеркивает существование не столько конкретных вето-игроков, сколько своеобразных *точек вето* (*veto point*), то есть элементов принятия решений, требующих

согласования позиций игроков; институты могут быть модифицированы, лишь если эти точки будут успешно пройдены [Immergut, 1992]. В любом случае, чем больше число вето-игроков или точек вето, тем ниже вероятность трансформации институтов и тем выше зависимость от предшествующего развития.

Сказанное уже показывает, что зависимость от предшествующего развития может быть разной. Например, связанной со всем комплексом предшествующих событий, произошедших в определенном порядке (собственно *path dependence*), с конкретными событиями прошлого (*state dependence*) или с набором событий прошлого, вне зависимости от их порядка во времени (*phat dependence*) [Page, 2006]. В этой работе я не дифференцирую эти формы, тем более, что с эмпирической точки зрения провести между ними грань крайне сложно. Определенной спецификой зависимость от предшествующего развития характеризуется, если допустить возможность сочетания деятельности, соответствующей различным институциональным правилам, в рамках активности одного игрока [Балацкий, 2000; 2002].

В случае сильной зависимости от предшествующего развития случайно выбранный в какой-то момент времени институт уже крайне сложно, а часто – и невозможно, изменить в будущем. В момент выбора плюсы и минусы этого института могут быть еще недостаточно хорошо известны. Иногда допущенные при этом элементарные ошибки, как ни странно, достаточно заметно сказываются на последующем экономическом развитии. В некоторых случаях можно говорить о выборе заведомо неэффективного института, свойства которого хорошо известны игрокам. Это может быть результат соперничества властных коалиций за перераспределение ренты, если институты являются его побочным продуктом или инструментом борьбы за власть. Классический пример – многочисленные неэффективные политические режимы, способные выживать длительный период времени [Acemoglu, Robinson, Verdier, 2004; Acemoglu, Ticchi, Vindigni, 2007]. При этом формирование неэффективных равновесий равно возможно при долгосрочной ориентации игроков (если, например, экономический рост создает угрозу перераспределения власти [Sheng, 2007]) и при кратком горизонте планирования, когда в центре внимания находится доступ к текущим доходам [Gelbach, 2007]. В любом случае подобные "ловушки" часто носят политико-экономический характер [Aslund, Boone, Johnson, 2001].

Не менее важную роль может играть неверное представление о поведении других игроков. Например, в условиях эффектов возрастающей отдачи ожидание того, что *все* игроки выберут неэффективный институт, может заставить каждого конкретного игрока предпочесть подобное "пессимистическое соглашение" выбору более эффективных институтов [Liebowitz, Margolis, 1995]. Ярким примером такой ситуации можно считать исследования по добровольному финансированию общественных благ в русле экспериментальной экономики. Одно из направлений литературы рассматривает влияние на объем добровольного финансирования возможности участников эксперимента "наказывать" других игроков. Во многих странах предоставление инструмента "наказания" способствует росту "вклада" всех игроков в общественное благо, поскольку "уклоняющиеся" оказываются "оштрафованы". Однако иногда (например, в России) введение "наказаний" не обладает подобным позитивным эффектом прежде всего из-за того, что в эксперименте, как правило, именно "отстающие" штрафуют более успешных участников, а остальные игроки – что особенно важно – строят свое поведение, корректно прогнозируя подобную ситуацию [Gächter, Herrmann, 2007]. Вполне возможно, что в обществе всеобщего недоверия аналогичные результаты возникнут и при некорректном прогнозе. Но вне зависимости от того, какие именно факторы привели к формированию эффекта зависимости от предшествующего развития, важно, что выйти из этого тупика уже невозможно, или этот выход связан с колоссальными издержками. (Во многих случаях оказывается, что проще полностью ликвидировать жесткие институты, чем реформировать их, как это в какой-то степени произошло со многими советскими и постсоветскими государственными структурами. Но подобная ликвидация возможна далеко не всегда.)

## Слабая зависимость от предшествующего развития: непрерывные реформы

Казалось бы, в условиях слабой зависимости от предшествующего развития, когда игроки получают возможность свободно манипулировать существующими институтами, проблемы, описанные выше, исчезают. Прежде всего, ослабевает влияние случайности: всегда существует возможность исправить допущенную ранее ошибку, изменив "правила игры". Помимо этого всегда можно учесть новый опыт – как от "эксперимента" с использованием самого института, так и в виде информации об аналогичных процессах в других странах и регионах. Собственно говоря, именно на этой логике и строится одна из основных идей эволюционной теории экономической политики: представление о политическом процессе как процессе обучения и выявления предпочтений и преимуществ тех или иных альтернатив [Groenewegen, Steen, 2007]. Безусловно, и в этом случае "история имеет значение", но ее эффект проявляется по-другому, чем в ситуации сильной зависимости от предшествующего развития: не через ограничение доступных институциональных альтернатив, а через (возможное) ограничение информации о доступных институциональных альтернативах (еще не прошедших экспериментальной проверки). Тем не менее в реальности подобная ситуация также обладает рядом весьма существенных недостатков. Я рассмотрю три возможных фактора: дестабилизация ожиданий и сужение круга ортогональных решений, возможность крайне неблагоприятного выбора.

*Дестабилизация ожиданий.* Как известно, важная функция институтов состоит в устранении неопределенности будущего за счет формирования устойчивых правил игры [Dietl, 1993]. Частично устранение неопределенности связано с тем, что все контрагенты следуют определенным стандартам поведения (собственно говоря, данный фактор – одна из причин существования возрастающей отдачи и эффектов зависимости от предшествующего развития для институтов). Однако не менее важно и то обстоятельство, что институты сужают спектр доступных инструментов для самого индивида, вне зависимости от поведения остальных игроков. В результате, если учесть, что принятие решений сопряжено с определенными издержками, стабильные институты – даже неэффективные – позволяют свести их к минимуму, сформировать устойчивые поведенческие рутины, которым следуют игроки. Частый пересмотр институциональных правил в итоге ведет к невозможности использования данного фактора.

Пример дестабилизации ожиданий – ситуация "бесконечных реформ", достаточно типичная, например, для налоговой политики большинства стран<sup>2</sup>. Даже если допустить, что каждый следующий шаг приводит к формированию более "качественных" институтов, чем существовавшие ранее, игроки не в состоянии адаптировать свою политику к постоянным изменениям. В результате появление новых, казалось бы, оптимальных норм и правил порождает дополнительные издержки. Впрочем, именно такая ситуация типична для большинства стран в период глубинной трансформации политико-экономической системы, в том числе и для постсоветского мира.

Однако наиболее известный пример негативного воздействия институциональной нестабильности на экономическое развитие – многочисленные "экономики непрерывного перераспределения", среди которых особенно выделяется Аргентина. Стартовав в начале XX в. с уровня, сопоставимого с ведущими государствами мира (например, Канадой и Австралией), к концу столетия она оказалась в числе многочисленных развивающихся стран с большим числом экономических проблем. Эконометрические исследования показывают, что институциональная нестабильность была основным фактором, сокращающим объем инвестиций и, как следствие, снижающим темпы роста [Escosura,

---

<sup>2</sup> Надо сказать, что налоговая политика нередко представляет собой парадоксальное явление. С одной стороны, реформы налогообложения происходят постоянно под давлением многочисленных групп интересов. Но с другой стороны, соотношение основных источников налогового дохода характеризуется высокой стабильностью [Gangoff, 2007].

Sanz-Villarroya, 2004; Campos, Karanasos, 2007]. Если говорить о формальных институтах, то статистические подтверждения благотворного влияния институциональной стабильности на рост получены в многочисленных исследованиях в области теории вето-игроков [Henisz, 2000; 2002; Henisz, Zelner, 2001; 2006]<sup>3</sup>. В любом случае, как представляется, стабильные неэффективные институты могут оказаться лучше нестабильного "перфекционизма" в области институционального дизайна.

*Сужение круга ортогональных решений.* Неэффективное равновесие, порожденное зависимостью от предшествующего развития, по определению может оцениваться лишь в сравнении с другими институциональными альтернативами. Между тем в любой момент времени достаточно широкий круг институтов остается неизвестным. Поэтому на самом деле выбор не сводится к дихотомии "эффективного" и "неэффективного" института; вполне возможно существование третьего варианта, не известного в настоящий момент, но способного выявиться в будущем. В связи с этим формирование неэффективного равновесия, препятствующего дальнейшему развитию, может стать стимулом для поиска "ортогональных" решений [Beckmann, Pies, 2006], то есть институтов, преодолевающих жесткий разрыв между "глобальной" эффективностью "известных изначально" институциональных альтернатив и возрастающей отдачей действующих институтов, делающей текущее равновесие столь привлекательным. В какой-то степени в институциональной сфере может наблюдаться аналог известного постулата Е. Бём-Баверка о "большей производительности обходных путей" (*Mehrgiebigkeit längerer Produktionsumwege*), утверждавшего, что отдача производства в конечном счете зависит от инвестиций в "промежуточные" блага. Точно так же "обходные пути" в институциональном развитии могут стимулировать создание более благоприятных институциональных форм. С этой точки зрения как раз регионы и страны, ранее "выбравшие" более эффективные институциональные системы, могут оказаться отстающими по сравнению с бывшими жертвами "институциональной ловушки" – то есть по факту сами окажутся в институциональной ловушке, которая, кстати говоря, вполне способна породить новую волну качественных инноваций. Неудивительно, что институциональные инновации могут формироваться как раз в "периферийных" регионах, характеризующихся менее эффективными институтами [Гуссейнов, 2004].

В какой-то степени пример подобной логики – "европейское чудо", то есть динамичное развитие Западной Европы в первой половине второго тысячелетия нашей эры. Насколько можно судить, один из уроков истории человечества к тому моменту состоял в доказательстве того, что для обеспечения динамичного роста необходимо формирование крупных государственных образований. В истории Запада наиболее яркие примеры подтверждения данного тезиса – Римская и Каролингская империя, на Востоке – Китай. Распад крупных государств, наоборот, сопровождался экономическим спадом, вспомним крах Римской империи или ослабление империи Великих Моголов в Индии в XVIII в. Таким образом, Европа в указанный период оказалась в своеобразном "неэффективном институциональном равновесии": сложившаяся в ней институциональная система препятствовала интеграции и формированию крупных экономических пространств. Речь идет не только о равновесии сил; например, в Центральной Европе (где средневековая ситуация сохранялась дольше всего) существовавшие институты сделали практически невозможной вооруженную аннексию слабого государства сильным (основной путь роста территорий в истории), обусловив дальнейшую непрерывную фрагментацию [Volckart, 2006].

И все же именно эта фрагментация превратилась в источник роста, более того – в фактор, позволивший Европе в конечном счете обогнать традиционные азиатские им-

---

<sup>3</sup> В чем-то схожим является достаточно устойчивый результат эмпирических политико-экономических исследований: экономический рост в демократиях (которые, как правило, но не всегда, характеризуются большим числом вето-игроков) не обязательно выше, но в любом случае устойчивее, чем в недемократических системах [Weede, 1996; Mobarak, 2005; Chatterjee, Shukayev, 2006].

перии и превратиться в ведущий центр мирового влияния. В литературе встречаются два объяснения этого обстоятельства (хотя значительная часть исследователей сводят успех Европы к простой случайности). Первый подход (который принято называть гипотезой Манна–Бермана) акцентирует внимание на роли католической церкви как фактора, ограничившего насильственные конфликты и содействовавшего развитию в условиях децентрализации. Второй подход (гипотеза Грайфа–де Моора) основной движущей силой преобразований считает "активность снизу" – формирование торговых гильдий и городских коммун, оказавшихся в состоянии обеспечить неформальную интеграцию региона [Zanden, 2007]. В любом случае под действием этих факторов возникли оптимальные условия для институциональной конкуренции, для соперничества различных центров публичной власти за мобильное население, что выражалось в институциональном прогрессе и росте населения. Иначе говоря, именно фрагментация континента (неэффективное институциональное равновесие) породила институциональные инновации, ставшие основой динамического развития. Об этом писали Д. Юм и М. Вебер, но в полной мере данная идея получила развитие после Э. Джонса [Karayalcin, 2004; Vaubel, 2007].

Можно привести и более новые примеры подобных институциональных инноваций. Один из них – становление системы частного среднего образования в Индии. Как известно, Индия на протяжении десятилетий после объявления независимости (не без помощи Советского Союза) строила свою политику на основе массовых интервенций в экономические процессы и обширных программ социального и промышленного развития, в том числе и построения государственной системы среднего образования. Итогом стали бюрократизация экономики и господство коррупции (это явление получило название "License Raj"), а также крайняя неэффективность большинства государственных программ, в том числе и в сфере массового образования. Однако параллельно с существованием неэффективных государственных структур индийское общество выработало и альтернативные эффективные каналы предоставления общественных благ. Среднее образование нередко рассматривается как пример мериторных благ: спрос на них может сформироваться лишь у семей, члены которых уже получили образование. Соответственно, на ранней стадии необходимо государственное принуждение к образованию. В Индии ситуация явственно не соответствует этой логике. Даже жители беднейших районов, сами не получившие образования, предпочитают отправлять своих детей в частные школы и оплачивать учителей – и это при доступности бесплатных государственных школ. Частные школы превращаются в мощный инструмент накопления человеческого капитала, функционирующий исключительно за счет спроса "снизу" и превосходящий качеством традиционные государственные программы в развивающихся странах [Tooley, Dixon, 2003]. Результат – в 1990-е гг. в Индии началась либерализация экономической политики, сопровождавшаяся мощным взлетом предпринимательства "снизу", причем и в высокотехнологичных отраслях.

Впрочем, говоря об "ортогональных" решениях, следует иметь в виду несколько обстоятельств. Прежде всего само по себе существование неэффективных институтов не может рассматриваться как достаточное условие возникновения ортогональных решений. Вполне представима ситуация, когда тупик, в котором оказалась страна, вовсе не ведет к появлению институциональных инноваций. Вопрос в том, является ли институциональная ловушка необходимым условием, но и здесь, наверное, сложно делать однозначные выводы. Кроме того, не любая институциональная инновация, формирующаяся в обстановке господства неэффективных институтов, может считаться ортогональным решением.

Приведу пример из исследований коррупции. В литературе уже давно конфликтуют две точки зрения: если первая рассматривает коррупцию однозначно как источник спада и упадка экономических систем, то вторая утверждает, что в условиях неэффективных формальных институтов и бюрократии коррупция как раз может оказаться фактором, содействующим динамике (коррупция как "смазка" для колес экономического роста, *grease the wheels corruption*) [Dreher, Gassebner, 2007]. Помимо этого, борьба с коррупцией может даже привести к негативным последствиям, в виде роста произво-

дительного лоббирования [Beckmann, Gerrits, 2007]<sup>4</sup>. Сохранение "небольшой" коррупции может оказаться лучшим из возможных (*second best*) решением [Acemoglu, Verdier, 2000]. Иначе говоря, система "адаптируется" к неэффективным институтам для целей выживания, и существование "лазеек" для подобной адаптации благоприятно сказывается на экономическом развитии. Однако здесь речь не идет об институциональной инновации, обеспечивающей долгосрочную конкурентоспособность; имеет место лишь выживание в неблагоприятных условиях, на опыте которого едва ли могли бы чему-либо "научиться" регионы с более эффективными институциональными системами. В любом случае делать вывод о качестве институциональных инноваций можно только *ex post*. Это означает, что слишком частая трансформация институтов не позволит появиться в долгосрочном плане "ортогональным" решениям.

*Крайне неблагоприятный выбор.* Не следует забывать, что отсутствие зависимости от предшествующего развития вовсе не означает, что в каждый момент времени будут выбираться оптимальные институты. Возможности "трансляции" предпочтений игроков в институциональный дизайн ограничивает и неопределенность [McFaul, 1999]. Вполне можно представить "колебания вокруг оптимума" (который, к тому же, неизбежно сдвигается со временем), вызванные теми же случайными факторами, что и выбор институтов в точке бифуркации в ситуации сильной зависимости от предшествующего развития. В связи с этим каждый конкретный институт в "цепочке" видоизменяющихся норм и правил вполне может оказаться неэффективным. Действительно, его неэффективность не оказывает столь серьезного воздействия на экономику, как в ситуации сильной зависимости от предшествующего развития; игроки с неизбежностью устранят этот институт в следующем раунде взаимодействия. Тем не менее, поскольку число "точек выбора" повышается, возникает возможность выбора в какой-то момент "крайне неблагоприятного" решения, "фатальной ошибки" с катастрофическими последствиями.

Речь идет не о том, что в среднем будет выбран худший институт, а о том, что возрастает вероятность *выбора хотя бы один раз* крайне неэффективного решения. При этом последнее вполне может вывести систему из состояния слабой зависимости от предшествующего развития, "заблокировав" многие институциональные альтернативы. Заранее "угадать" столь неблагоприятное развитие крайне сложно. Обычно хорошие примеры таких "крайне негативных" решений дают бифуркационные точки развития; например, Великая французская революция, по некоторым оценкам, приобрела свой радикальный и кровавый характер под воздействием одного-единственного события – попытки бегства за границу Людовика XVI в июне 1791 г. [Tackett, 2004]. Легко представить пагубность ситуации, когда фундаментальные "ошибки" могут совершаться рутинным образом.

Итак, как сильная, так и слабая зависимость от предшествующего развития обладают определенными недостатками. Если первая ведет к доминированию неэффективных институтов, в долгосрочном плане "подрывающих" экономический рост, то вторая, хотя и позволяет быстро "избавляться" от подобных проблем, сама по себе способна создать условия для роста неопределенности и повышает вероятность крайне негативных событий, а также устраняет возможность появления "ортогональных" решений. В какой-то степени описанные проблемы соответствуют двум моделям "провала" экономической трансформации в постсоветских странах: формированию *институционального равновесия* с неэффективными устойчивыми институтами или появлению *бесконечного переходного периода* с высокой институциональной нестабильностью [Либман, 2007]. В любом случае последствия негативны.

---

<sup>4</sup> Противоположный подход рассматривает лоббирование как менее пагубную для экономического развития форму, чем коррупция, отождествляя с первым стремление к формальному изменению правил, а со вторым – к поиску исключений в существующих правилах [Harstad, Svensson, 2006].

Поиск оптимальной зависимости от предшествующего развития – универсальная проблема, возникающая в различных регионах и сферах общественной жизни. Собственно говоря, сами социальные науки также могут столкнуться с проблемой "чрезмерной" или "недостаточной" зависимости от предшествующего развития – "ловушкой унификации" или "ловушкой фрагментации" [Knudsen, 2002]. Первая предполагает полное доминирование одной из парадигм, сформировавшей мощный теоретический аппарат, применимый к большинству проблем. В этой ситуации исследователи концентрируются на развитии данной парадигмы, даже в ущерб "бритве Оккама". Вторая, напротив, возникает при наличии множества недостаточно развитых парадигм. Стандартом исследователей в этом случае оказывается не столько изучение конкретных проблем, сколько разработка "качественно новых подходов", ни один из которых не получает должного развития для его применения на практике. К тому же возникает "амнезия общественных наук" – одни и те же результаты "переоткрываются" до бесконечности, а "старые" работы игнорируются [Gans, 1992]. Очевидно, что в первом случае деятельность исследователя "чрезмерно" ограничена "пройденным путем науки", а во втором – последний оказывает куда более слабое воздействие. И то и другое пагубно для развития науки.

### **Комплементарность институтов и зависимость от предшествующего развития**

До сих пор мы лишь "констатировали" особенности институциональной системы, не вдаваясь в причины появления той или иной формы зависимости от предшествующего развития. Конечно, ее степень определяется и типом институтов (очевидно, что для неформальных конвенций она будет большей, чем для формальных норм и правил), и характеристиками общества (высокая фрагментация, насколько можно судить, скорее, затормозит формирование устойчивых институтов, в то время как консенсус, наоборот, усилит зависимость от предшествующего развития). Тем не менее, на мой взгляд, важным источником формирования степени зависимости от предшествующего развития для конкретных институтов являются особенности других элементов институциональной системы. А это может привести к, пожалуй, наиболее проблематичным ситуациям, когда высокая институциональная нестабильность на одном уровне системы сочетается с высокой зависимостью от предшествующего развития на другом.

В принципе признание того, что институты формируют устойчивые сочетания (как правило, охватывающие как политику, так и экономику), сегодня доминирует в общественных науках. Основу данного подхода составляет идея *институциональной комплементарности* [Hörner, 2005; Deeg, 2007]: действенность конкретного института напрямую зависит от функционирования других институтов. Соответственно, определенные сочетания институтов "генерируют" своеобразные "сравнительные институциональные преимущества", делающие именно эту "комбинацию" привлекательной. Некоторые авторы (в основном, работающие в обширной области сравнительного анализа капиталистических систем" [Boyer, 2005; Jackson, Deeg, 2006]) приходят к выводу, что все эти "устойчивые комбинации" являются "в своем роде" эффективными<sup>5</sup>. Другие, скорее, трактуют сравнительные институциональные преимущества как фактор устойчивости систем, не обязательно предполагающий эффективность их комбинаций. В качестве примера можно привести сравнение обществ "с открытым доступом" (основанных на конкуренции в рамках формальных правил) и "с закрытым доступом" (предполагающих формирование замкнутой элитной группы, контролирующей перераспределение)

---

<sup>5</sup> Более того, указывается, что повышенное внимание и оценка той или иной "институциональной альтернативы" в дискуссиях экономистов и социологов сильно меняется со временем, в зависимости от общих проблем мировой экономики. "Срок жизни" такой "идеи наиболее привлекательной институциональной организации" (в таком качестве за послевоенные годы успели побывать советское планирование, французское индикативное планирование, скандинавский корпоративизм, "японская" и "немецкая" модели и американская либеральная экономика) обычно составляет десятилетие [Vitols, 2006].

[North, Wallis, Weingast, 2006; North... 2007]. Первые в принципе эффективнее вторых; однако и первые, и вторые решают определенные задачи (скажем, общества с закрытым доступом были первой действенной формой обеспечения кооперации) и к тому же достаточно устойчивы. Однако общая проблема всей литературы данной группы – сложность выявления факторов институциональных изменений: если институты комплементарны друг к другу, а изменения происходят крайне медленно, объяснить причины их быстрых сдвигов сложно, хотя такие попытки в рамках данного подхода, конечно, предпринимаются [Deeg, Jackson, 2007].

В какой-то степени данную проблему решает концепция "быстрых" и "медленных" институтов. Первые трансформируются с высокой скоростью; вторые, наоборот, характеризуются высокой устойчивостью, но влияют на направление трансформации первых. Скажем, "медленные институты" определяют структуру распределения власти в обществе, которая влияет на характер изменения норм и правил совершения сделок, или "медленные институты" определяют характер культуры, влияющей на структуру власти и регулирование сделок [Roland, 2004]. Это представление напрямую основывается на идее *институциональной иерархии*, то есть соподчиненности институтов с точки зрения их эволюции и разрешения конфликтов между противоречащими правилами [Amable, 2004]. Однако даже в данной постановке вопроса не ясно, почему определенные институты оказываются "быстрыми" или "медленными". На мой взгляд, дело не только в том, что "медленные" институты определяют *траекторию* движения "быстрых". Не менее важно, что институты влияют на *скорость изменения друг друга*. Иначе говоря, то обстоятельство, что те или иные институты оказываются "быстрыми", делают другие институты "медленными" и наоборот.

Приведу лишь один пример "медленных" институтов – неформальные нормы, определяющие степень доверия агентов государству. Низкое доверие к власти заставляет игроков всеми средствами искать "альтернативы" применению формальных институтов, уклоняться от "пристального взора" чиновника или политика. В такой экономике основное направление предпринимательской творческой активности (то есть создания инноваций в экономической системе) будет связано именно с поиском каналов "уклонения". Государство в этом случае сталкивается со снижением рентных поступлений, используемых для перераспределения. Единственный способ добиться роста ренты – постоянно менять формальные правила игры, пытаясь "обогнать" предпринимателя. Итогом становится *рост скорости изменения формальных институтов*. Последний ведет к высокой институциональной нестабильности и снижению горизонта планирования, с одной стороны. Но с другой стороны, велика вероятность формирования крайне неэффективных институтов: например, сверхжестких необъяснимых запретов в каких-то сферах деятельности. Таким образом, при любом исходе результат – стабилизация недоверия государству. Свойства "медленных" институтов обуславливают рост скорости изменения "быстрых", а последний – закрепляет характер "медленных" институтов и делает их еще стабильнее. Так возникает система, где в одной сфере темпы институциональных преобразований все время убыстряются, создавая ситуацию бесконечных реформ, а в другой – устойчивость существующего равновесия непрерывно возрастает.

Далеко не любая комбинация институтов стабильна. Например, противоположная логика действует в отношении доверия среди тех, кто участвует в принятии решений (до сих пор мы обсуждали вопросы доверия общества, не влияющего на принятие решений, государству как субъекту коллективного выбора). В политико-экономических исследованиях принято различать "селекторат", то есть круг лиц, способных принять участие в формировании политических решений (скажем, полноправных избирателей в демократиях или членов замкнутых политических элит в олигархиях) и "победную коалицию" (*winning coalition*), то есть "достаточное" число игроков селектората, гарантирующих поддержку решения [Bueno de Mesquita... 2005]. Предположим, что для принятия решений требуется достаточно большая победная коалиция (близкая к консенсусу). Если допустить, что доверие среди селектората достаточно высоко, то легче добиться консенсуса относительно необходимости проведения реформ. Соответственно,

высокий уровень доверия "ускоряет" изменение институтов, снижая инерцию в их развитии (эмпирически этот тезис находит подтверждение лишь частично [Heinemann, Tanz, 2007]).

Проблема в том, что преобразования неизбежно влекут за собой перераспределительные эффекты. Это порождает конфликты, а последние влекут за собой снижение уровня взаимного доверия в целом (все сложнее понять, определяется ли поведение остальных игроков стремлением к росту выгод от перераспределения или "общим благом") и формирование многочисленных коалиций, связанных более устойчивым "внутренним доверием", а возможно, и общими перераспределительными интересами. Соответственно, происходит, с одной стороны, ослабление институциональной инерции в сфере неформальных норм (причем мы имеем дело с классической точкой бифуркации – заранее определить, какие именно "радиусы доверия" и "радиусы недоверия" [Fukuyama, 1999] сформируются в новом обществе достаточно сложно), а с другой – снижается скорость формальных преобразований. В результате общество вполне может оказаться в ситуации высокого недоверия между отдельными коалициями селектората, которое, однако, сочетается с высокой стабильностью формальных институтов.

Если допустить, что состав селектората неизменен, то такая ситуация может оказаться достаточно стабильной (например, именно она объясняет, на мой взгляд, возникающие периодически ситуации "блокады реформ" в промышленно развитых странах с консенсусными политическими системами; однако нечто схожее было свойственно и позднесоветской элите, стремившейся избежать реформ). Если существует возможность "исключить" тех или иных игроков из селектората, то вполне возможен переход к ситуации, описанной в первом примере: высокое недоверие общества к власти и постоянное ускорение преобразований с целью обеспечения рентного дохода.

Итак, поддержать "оптимальную степень зависимости от предшествующего развития" оказывается достаточно сложно. Ситуация меняется в обществе с небольшой победной коалицией или возможностью "исключения" тех или иных групп из селектората; в этом случае "блокада реформ" не менее вероятна, так как среди небольшого круга игроков легче поддерживать высокий уровень доверия (яркий пример – Вестминстерская политическая система, значительно более склонная к высоким темпам преобразований).

До сих пор неформальные институты рассматривались лишь "в контексте" их воздействия на формальные. Между тем неформальные институты могут определять не только характер отношения к формальным нормам, но и сами по себе структурировать самостоятельные "правила игры", "параллельные" формальным. В этом случае "темы изменения" формальных и неформальных институтов связаны между собой. Прежде всего может иметь место своеобразная "институциональная конкуренция" между формальными и неформальными правилами; ее конкретным проявлением является "соперничество" формальной и неформальной экономики. Однако важную особенность данного "соперничества" (собственно говоря, и побуждающего нас использовать кавычки вокруг этого термина) составляет его "односторонний" характер: если формальные институты – результат целенаправленного дизайна и могут быть изменены победной коалицией, то неформальные институты складываются спонтанно. Если формальные институты более привлекательны, чем неформальные (и издержки перехода пренебрежимо малы), то игроки просто предпочтут использовать формальные институты, а не будут пытаться "изменить" неформальные (что, надо сказать, подтверждается и эмпирически [Torgler, Schneider, 2007]). Конечно, в мире "теневой политики" [Барсукова, 2006] аналогичным образом могут поступить и политические игроки, если неформальные институты более привлекательны, чем формальные, но с высокой вероятностью власть попытается адаптировать формальные институты, чтобы повысить свою привлекательность. Поскольку речь идет об эволюционном процессе "проб и ошибок" (ведь каким образом сделать формальные институты более привлекательными, неизвестно), мы опять оказываемся в ситуации, когда *высокие издержки перехода* от неформальных институтов к формальным (то есть, собственно говоря, факторы зависимости

от предшествующего развития: культурная инерция, возрастающая отдача, издержки обучения и другие) стимулируют высокую скорость изменения *формальных* институтов, а возникающая из-за этого нестабильность вполне может содействовать стабилизации *неформальных*.

Таким образом, возникает та же диспозиция, что и с доверием государству вне селектора, но при совершенно другой логике поведения государственных игроков, стремящихся не столько "поймать" нарушителя, сколько "уговорить его". Постсоветский опыт дает немало поучительных примеров. Скажем, сложная и непрозрачная налоговая система ведет к колоссальным издержкам для налогоплательщика; поэтому игроки предпочитают идти по пути неформальных операций. Государство вынуждено и далее реформировать налоговую систему, однако с каждой новой реформой, пусть даже повышающей качество и удобство налоговой системы, оно создает все больше неуверенности у налогоплательщика. Соответственно, у последнего возрастает стремление к поддержанию старых неформальных образцов поведения. В данном случае "двигателем" ситуации постоянного замедления неформальных институтов и ускорения формальных норм служит исходно высокая степень расхождения между ними и низкая привлекательность формальных институтов в исходный момент времени. Насколько можно судить, в постсоветских экономиках присутствовали обе логики, приведшие в конечном итоге к возникновению сочетания "чрезмерной" зависимости от предшествующего развития в одних сферах с "чрезмерной" гибкостью институтов в других.

\* \* \*

Подводя итог, можно сказать, что модели институтов как с крайне жесткой зависимостью от предшествующего развития, так и с чрезмерной гибкостью могут оказаться пагубными для успешного функционирования экономики и общества. Проблема состоит, однако же, не только в том, что во многих случаях именно эти "крайние" состояния становятся реальностью, но и в том, что в условиях институциональной комплементарности вполне может возникнуть ситуация, когда чрезмерная скорость изменения одних институтов провоцирует чрезмерную стабилизацию неэффективных институтов в других сферах, и наоборот. Иначе говоря, в бифуркационные моменты развития общество принимает решение не только в отношении содержания институтов, но и – в косвенной форме – относительно скорости их развития (то есть в какой-то степени относительно следующего момента бифуркации). Именно логика таких решений (часто оказывающихся косвенным результатом соперничества за власть и реализующихся в условиях неопределенности) играет ключевую роль с точки зрения успеха или провала в развитии тех или иных обществ или структур.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балацкий Е.В. Непроизводительные издержки в теории институциональных ловушек // Актуальные проблемы государственного строительства и управления. М., 2000.

Балацкий Е.В. Функциональные свойства институциональных ловушек // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. № 3.

Барсукова С.Б. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания (препринт ВШЭ, WP4/2006/01). 2006.

Гусейнов Р.М. Закон периферийного прогресса: гипотеза // Историко-экономические исследования. 2004. Т. 4. № 1.

Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2006.

Латов Ю.В. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной истории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3. № 3.

Либман А.М. "Вторая трансформация" в постсоветских странах // Общественные науки и современность. 2007. № 3.

- Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
- Полтерович В.М.* Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3.
- Acemoglu D., Robinson J., Verdier T.* Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule // Journal of the European Economic Association. 2004. Vol. 2. № 2–3.
- Acemoglu D., Ticchi D., Vindigni A.* Emergence and Persistence of Inefficient States. Mimeo, 2007.
- Acemoglu D., Verdier T.* The Choice Between Market Failure and Corruption // American Economic Review. 2000. Vol. 90. № 1.
- Amable B.* The Diversity of Modern Capitalism. Oxford, 2004.
- Aslund A., Boone P., Johnson S.* Escaping the Under-Reform Trap // IMF Staff Paper. 2001. Vol. 48.
- Beckmann K., Gerrits C.* Making Sense of Corruption: Hobbesian Jungle, Bribery as an Auction, and DUP Activities. Mimeo, 2007.
- Beckmann M., Pies I.* Ordnungsverantwortung – Konzeptionelle Ueberlegungen zugunsten einer semantischen Innovation. Mimeo, 2006.
- Bednar J., Page S.E.* Culture, Institutional Performance, and Path Dependence. Mimeo, 2006.
- Boyer R.* How and Why Capitalisms Differ // Economy and Society. 2005. Vol. 34. № 4.
- Bueno de Mesquita B., Smith A., Silverson R.M., Morrow J.D.* The Logic of Political Survival. Cambridge, 2005.
- Campos N.F., Karanasos M.G.* Growth, Volatility, and Political Instability: Non-Linear Time-Series Evidence for Argentina, 1986–2000. IZA Discussion Paper. № 3087. 2007.
- Chatterjee P., Shukayev M.* Democracy and Growth Volatility: Exploring the Link. Mimeo, 2006.
- Congleton R.D.* From Royal to Parliamentary Rule without Revolution, the Economics of Constitutional Exchange within Divided Governments. Mimeo, 2007.
- David P.* Path Dependence, Its Critics and the Quest for “Historical Economics”. Mimeo, 2000.
- Deeg R.* Complementarity and Institutional Change in Capitalist Systems // Journal of European Public Policy. 2007. Vol. 14. № 4.
- Deeg R., Jackson G.* Towards a More Dynamic Theory of Capitalist Variety // Socio-Economic Review. 2007. Vol. 5.
- Dietl H.* Institutionen und Zeit. Tübingen, 1993.
- Do Q.T.* Institutional Trap. World Bank Policy Research Working Paper № 3291. 2004.
- Dreher A., Gassebner M.* Greasing the Wheels of Entrepreneurship? Impact of Regulation and Corruption on Firm Entry? CESifo Working Paper № 1313. 2007.
- Escosura L.P., Sanz-Villarroya I. de la.* Institutional Instability and Growth in Argentina: A Long-Run View. Universidad Carlos III de Madrid Economic History and Institutions Working Paper Series № 67. 2004.
- Fukuyama F.* Development and the Limits of Institutional Design. Mimeo, 2006.
- Fukuyama F.* Social Capital and Civil Society. Mimeo, 1999.
- Gächter S., Herrmann B.* The Limits of Self-Governance when Cooperators Get Punished: Experimental Evidence from Urban and Rural Russia. CeDEx Discussion Paper № 11. 2007.
- Gangoff S.* The Political Economy of High Income Taxation: Capital Taxation, Path Dependence, and Political Institutions in Denmark // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. № 9.
- Gans H.J.* Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science // Sociological Forum. 1992. Vol. 7. № 4.
- Gelbach S.* Revenue Traps // Economics and Politics. 2007. Vol. 19. № 1.
- Groenewegen J., Steen M. van der.* The Evolutionary Policy Maker // Journal of Economic Issues. 2007. Vol. 41. № 2.
- Harstad B., Svensson J.* From Corruption to Lobbying and Economic Growth. Mimeo, 2006.
- Heinemann F., Tanz B.* The Impact of Trust on Reforms. Mimeo, 2007.
- Henisz W.J.* The Institutional Environment for Economic Growth // Economics and Politics. 2000. Vol. 12. № 1.
- Henisz W.J.* The Institutional Environment for Infrastructure Investments // Industrial and Corporate Change. 2002. Vol. 11. № 2.
- Henisz W.J., Zelner B.A.* Interest Groups, Veto Points, and Electricity Infrastructure Development // International Organization. 2006. Vol. 60.
- Henisz W.J., Zelner B.A.* The Institutional Environment for Telecommunication Investment // Journal of Economic and Management Strategy. 2001. Vol. 10. № 1.
- Höpner M.* What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity // Socio-Economic Review. 2005. Vol. 3.

- Immergut E.* Health Politics, Interests and Institutions in Western Europe. Cambridge, 1992.
- Jackson G., Deeg R.* How Many Varieties of Capitalism? MPIfG Discussion Paper № 2. 2006.
- Karayalcin C.* Divided We Stand, United We Fall: The Hume-Weber-Jones Mechanism for the Rise of Europe. Mimeo. 2004.
- Knudsen Ch.* The Essential Tension in the Social Sciences: Between the “Unification” and the “Fragmentation” Trap // Scandinavian Working Papers in Economics. № 6. 2002.
- Liebowitz S.J., Margolis S.E.* Path Dependence, Lock-In, and History // Journal of Law, Economics and Organization. 1995. Vol. 11. № 1.
- McFaul M.* Institutional Design, Uncertainty, and Path Dependence: Cases from Russia // Constitutional Political Economy. 1999. Vol. 10.
- Mobarak A.M.* Democracy, Volatility, and Economic Development // Review of Economics and Statistics. 2005. Vol. 87. № 2.
- North D., Wallis J.J., Webb S.E., Weingast B.* Limited Access Orders in the Developing World: A New Approach to the Problems of Development. World Bank Policy Research Working Paper № 4359. 2007.
- North D., Wallis J.J., Weingast B.* A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. NBER Working Paper 12795. 2006.
- Page S.E.* Path Dependence // Quarterly Journal of Political Science. 2006. Vol. 1.
- Pierson P.* Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. Vol. 94. № 2.
- Polterovich V.M.* Institutional Trap. Mimeo, 2008.
- Roland G.* Understanding Institutional Change: Fast Moving and Slow Moving Institutions // Studies in Comparative International Development. 2004. Vol. 38. № 4.
- Sheng L.* When Will a Dictator Be Good? // Economic Theory. 2007. Vol. 31.
- Streek W., Thielen K.* Institutional Change in Advanced Political Economies // Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies. Oxford, 2005.
- Tackett T.* When the King Took Flight. Cambridge, 2004.
- Torgler B., Schneider F.* Shadow Economy, Tax Morale, Governance and Institutional Quality: A Panel Analysis. IZA Discussion Paper № 2563. 2007.
- Tooley J., Dixon P.* Private Schools for the Poor: A Case Study from India. CfBT Working Paper. 2003.
- Tsebelis G.* Veto Players: How Political Institutions Work. Princeton, 2002.
- Zanden J.L. van.* Economic Growth in a Period of Political Fragmentation: Western Europe 900–1300. Mimeo, 2007.
- Vaubel R.* A History of Thought on Institutional Competition. Mimeo, 2007.
- Vitols S.* Das “deutsche Modell” in der politischen Oekonomie. Mimeo, 2006.
- Volckart O.* Die Ursachen der deutschen Kleinstaaterie // Oekonomische und politische Grenzen von Wirtschaftsräumen. Berlin, 2006.
- Weede E.* Political Regime Type and Variation in Economic Growth Rates // Constitutional Political Economy. 1996. Vol. 7.